

ОБРАЗ ГОРОДЧИКА В ЯКУТСКОЙ КУЛЬТУРЕ: ФУНКЦИИ МЕДИАТОРА МЕЖДУ МИРАМИ*THE IMAGE OF A GORDON IN THE YAKUT CULTURE:
THE FUNCTION OF A MEDIATOR BETWEEN THE WORLDS*

Аннотация. Актуальность данной статьи продиктована необходимостью исследования одной из главных составляющих якутского геокультурного ландшафта – лиминальной системы дороги, которая рассматривается в качестве единой художественной системы. В связи с этим научная новизна статьи очевидна: она состоит в необходимости осмысления лиминального (промежуточного) пространства как смысловой структуры, которая проявляется в константности образов, универсалий, обладающих культурно-исторической, ментальной общностью. Исследование одного из интересных аспектов локального текста – промежуточного пространства в контексте национальной картины мира на фольклорном, этнографическом и литературном материалах – не получило по сей день детальной разработки в якутской науке. Целью данной статьи является выявление роли и функции человека дороги в определении границ и рубежей пространства. Акцентируется интерес к лиминальному (промежуточному) хронотопу и дороге как особому хронотопическому комплексу, усиливающим своим присутствием другие пространственные структуры, а точнее топоры аласа (села) и города, без которых невозможно функционирование целостной геопоэтической картины якутского мира. В контексте заявленной темы новую смысловую нагрузку получает изучение образа литературного героя, городчика («куораччыт»), актуализация сознания которого определена модификациями окружающего ландшафта. Автор статьи придерживается той позиции, когда процесс эволюции героя пути, раскрывающегося в полной мере именно в лиминальном пространстве дороги, наиболее наглядно показывает культурные признаки восприятия проблемы жизни и смерти, которые в разные историко-культурные периоды получают неожиданно интересные свойства. Выводы, обозначенные в данной статье, могут быть использованы в разработке проблем культурного ландшафта, этнокультурных критериев идентичности в условиях современности, которые становятся наиболее актуальными в последнее время в российской науке.

Ключевые слова: геопоэтика, хронотоп, концепт дороги, концепты жизни/смерти, инициация, эволюция героя, идентификация.

¹ Ноева Саргылана Еремеевна – к. ф. н., с. н. с. отдела фольклора и литературы Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. E-mail: noeva79@mail.ru

Noeva Sargylana Ereemeevna – PhD in Philology, Senior Researcher, Department of Folklore and Literature, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS

Abstract. *The relevance of this article is dictated by the need to study one of the main components of the Yakut geocultural landscape - the liminal road system, which is considered as a single artistic system. In this regard, the scientific novelty of the article is obvious: it consists in the need to comprehend the liminal (intermediate) space as a semantic structure, which manifests itself in the constancy of images, universals that have a cultural-historical, mental community. The study of one of the interesting aspects of the local text - the intermediate space in the context of the national picture of the world on folklore, ethnographic and literary materials - has not received detailed development in Yakut science to this day. The purpose of this article is to identify the role and function of the road person in determining the boundaries and boundaries of space. The interest in the liminal (intermediate) chronotope and the road as a special chronotopic complex is emphasized, reinforcing with its presence other spatial structures, or rather the toposes of Alas (villages) and cities, without which it is impossible to function an integral geopoetic picture of the Yakut world. In the context of the stated topic, the study of the image of a literary hero, a small town (a «town»), whose actualization of consciousness is determined by modifications of the surrounding landscape, receives a new semantic load. The author of the article adheres to the position when the process of evolution of the hero of the path, which is fully revealed in the liminal space of the road, most clearly shows the cultural signs of perception of the problem of life and death, which in different historical and cultural periods receive unexpectedly interesting properties. The conclusions outlined in this article can be used in the development of problems of the cultural landscape, ethno-cultural criteria of identity in modern conditions, which have become the most relevant in recent years in Russian science.*

Keywords: *geopoetics, chronotope, road concept, life/death concepts, initiation, hero evolution, identification.*

Введение

Система лиминальности (и выделяющийся из нее хронотоп дороги) рассматривается в пределах данной статьи как органическая часть якутской геопозитической картины мира наряду с аласным и городским мирами. Якутский мир состоит из двух локальных сфер – многочисленных аласных миров и городского пространства. Находящееся между ними промежуточное пространство представлено образом дороги (суол), который в культуре народа саха наполнен особой нагрузкой и транслирует в своей амбивалентной сущности два противоположные понятия – Жизни и Смерти.

Ритуальное пересечение человеком порога культурного пространства в якутском тексте, будь то город или алас (термин *алас* обозначает обжитый микромир якута, в пределах этой статьи будет использован в качестве аналога понятиям *сельская местность, деревня*), и ритуал пути подразумевает оформление особого сакрального статуса, реализацию в лиминальном мире нового субъекта – странника. Надо предположить, что изучение эволюции *человека пути* имеет основой выявление экзистенциональных границ, динамики ментальных ресурсов человека, что наиболее ярко отражается в фольклорных текстах и художественной литературе.

Исследование лиминального пространства предполагает изучение следующих элементов промежуточности в якутском тексте:

- **топосферы промежуточности** (гора «хайа», возвышенность «мыраан», река «өрүс», речка «үрэх», темный лес «сис тыа», глухое темное место «үрэх баһа», дорога «суол», перевалы «Аартык» и др.);
- **локусы лиминального пространства** (заброшенные дома «өтөх», охотничьи хижины «булчут үүтээнэ»);
- **маркеры промежуточного мира** (шаман дерево «кэрэх мас», древо духов местности «бэлэх мас», указателей «эркээйи» и др.);
- **типов героя-путника** (путник «айанньыт», гость «Ыалдьыт», ночной гость «хоһоһо», городщик «куораччыт», купец «атыһыт», сват «суорумньу», гонец «тэнсик»);
- **образов «чужих»** (призрак «үөр», оборотень «дэриэтинньик», животные, птицы и пр.);
- **лейтмотивов лиминального пространства** (мотивы пути, блуждания, поиска, инициации и др.).

Образ пути в якутской культуре

В актуализации народной концепции мира немаловажную роль играют представления об окружающем ландшафте, predetermined генетическим опытом народа-кочевника, у которого значение Пути-Дороги прямо пропорционально понятию Жизни. Здесь надо отметить, что в фольклорно-мифологических источниках наблюдается довольно сильная актуализация данного концепта. К примеру, в тексте эпоса-олонхо достаточно значимое место уделяется описаниям перевалов-Аартык как пограничных реалий между мирами (проход из Нижнего мира в Средний мир *Чабыйа Хаан*; перевалы-аартык *Дьөлөрү Хаан*, *Дэлбиргэ хаан*, *Килэйэ Хаан*, *Тимир Дьигискэн*, *Суксулла Хаан*, *Чугуйа Хаан* и др.).

Дорога как олицетворение Дороги Жизни (Аанньаах Үүн, торговая дорога, выходящая к Охотскому морю; Аккыырай суола «Дорога архиерея»; Ыраахтаабы суола «Дорога царской дани»; Дьаам суола «Ямщицкая дорога») всегда имела для северного края, изолированного далеко от *большого света*, исключительное значение, воспринимаясь в качестве мощного динамического образа, символизирующего связь человека и мира.

Функционально связаны с семантикой пути-дороги медиаторы, роли которых в якутской культуре исполняют *ыалдьыт* «гость», *хоһоһо* «ночной гость», *сыбат* «сват», потенциальные «гости» из «других миров» [1, с. 88]. Аналогичные им роли свойственны персонажам из олонхо: удаганкам-шаманам, сорук-боллур (посыльному), птицам, зверям и др., которые, находясь в состоянии динамики, переступая через какие-либо границы, являются посланниками, посредниками между мирами. Нужно отметить, что функция медиатора в якутском крае была исключительно важной – информационное поле расширялось за счет функционирования в социально-культурной жизни посыльных людей – *сорук-боллур*, *хорохоот*, целью которых было незамедлительно передавать информацию от адресата к адресату.

Промежуточное состояние персонажей лиминального пространства, находящихся в балансирующем состоянии между *темным* и *светлым*, *своим* и *чужим* мирами, *жизнью* и *смертью*, наиболее выпукло проявляется в рецепции образа гонца плохой вести «хара сурах тэнсигэ», которого по якутским обычаям надо было незамедлительно убивать, после того как слышали от него печальную весть. «*Былыргы дьыллар быдан мындааларыттан ордон кэлбит хабыр үгэс быһыытынан хара сурах илдьитин хаанын көрүллүөхтээбэ, тыынын иһиллэниэхтээбэ*» (По суровому старинному обычаю, гонца, который принес плохую весть, надо было незамедлительно убивать) (пер. наш – С.Н.) [16, с. 127].

По своим характерологическим свойствам концептуально тесно понимаясь с миром темным, периферийным, странным, дорога погружает странника в состояние временной смерти, чтобы в конце пути он предстал в обновленном виде в статусе покорителя/победителя. Амбивалентный статус странника в мифологических и фольклорных дискурсах отмечает Е. Г. Хомчак в статье «Концептуальная модель дороги в русской языковой картине мира», обозначая идентификацию странника с нечистой силой (лешим, колдуном) и с божественной силой (святым угодником в образе нищего) [15, с. 264–265].

Путь выполняет роль индикатора духовной метаморфозы героя. То есть инвариантная функция образов промежуточности – соединяющая и разделяющая – дополняется гносеологической функцией. Познание среды в состоянии пограничья (на пороге или в пути) становится художественным способом раскрытия экзистенциальных возможностей (силы, ума, смекалки, таланта и т. п.) человека, оказавшегося в состоянии трансформации сознания.

К примеру, до финального «воскресения» или утверждения своей исключительности человек, держащий путь, обязан переступить пороговое состояние страха, которое становится индикатором его способности побеждать себя. Антропология страха глубоко связана с понятием дороги в мифологическом нарративе и фольклорном материале многих культур, аккумулируя в себе национальный опыт познания мира как своего-чужого, безопасного-страшного, светлого-темного, близкого-далекого и т. д. Как верно отмечает Т. А. Дорохова: «Страх не может родиться вне сферы символического, он имеет место только там, где действительность структурирована по принципу бинарных оппозиций, где появляется ценность» [2, с. 78]. Выход человека из освоенного «своего» пространства всегда сопровождается включением его сознания на другом уровне – как реакция на контакт с чужим миром, вступление в который открывает новые образы и неизведанные ландшафты, создается особое психологическое состояние в восприятии действительности, порождающее множество эмоций (начиная от интереса, оживления, удивления, растерянности, заканчивая тревогой, испугом, страхом).

Лиминальный мир есть пространство странное и непонятное, где путник всегда остается чужим в чужой среде. Топосфера промежуточности состоит из

странных, чудных, страшных мест – это высокие горы, глубокие полноводные реки, темные непроходимые леса, населенные неприветливыми обитателями. Это мир потусторонних существ, так, помимо диких животных, злых духов-абасы, оборотней-үөр, темный лес, горы, реки населяют разные духи-иччи (иччи перевалов, иччи леса, иччи дороги), которые могут помочь обделенному путнику или обречь его на гибель.

Городчик – странник между мирами

Коммуникатором, кодирующим и передающим информацию между далеко расположенными друг от друга структурами города и села, является куораччыт (букв. «человек, съездивший в город»), путешественник между чужой и своей реальностью. О куораччыте упоминал в своих трудах В. Ф. Трощанский: «...каждый отправляющийся в город и возвращающийся оттуда называется «городчиком» [гуораччыт]. Городчик является на несколько дней героем среди своих ближайших соседей, особенно в первые дни по возвращении. При отправке в город ему дают поручения купить кому чаю, кому – платок, кому – сахару» [11, с. 101]. Вслед за В. Ф. Трощанским в этом исследовании «куораччыт» далее будет обозначаться как «городчик».

Город для человека, проживающего на селе/в аласе, всегда наделяется характеристиками далекого, чужого мира, и потому в описании него используются выражения үһү (досл. говорят), сураҕа (досл. по слухам), быһыылаах (досл. кажется), диэн буолла (досл. будто бы), усиливающие ощущение ментальной удаленности города. Ему свойственны признаки странного и страшного мира, рассказы городчиков о котором каждый раз меняются и, передаваясь из уст в уста, прогрессируя, обрастают новыми подробностями (здесь и далее приведены переводы С. Е. Ноевой): «Нэһилиэккэ сонун сурах тарҕаммытынан барар: били улуу пушкаларын куоракка туһаайан, илин мыраанҥа дьэ туруорбуттар. Бүгүн-сарсын ытталар үһү. Ол пушка эстибит дуораана манна хайаан да биллэх тустаах үһү» [3, с. 529] (в наслеге распространяется новость: говорят, пушку направили на город и установили на восточном мыране. По слухам, сегодня-завтра выстрелят), «... куоракка бу күннэргэ өлөрүү-алдьатыы, халааһын-талааһын наһаалаан эрэр эбит диэн хас да ынырык түгэни кэпсээбитэ» [3, с. 380] (рассказал несколько страшных случаев, что в городе в эти дни неспокойно, убийства, кражи умножились), «Куоракка күн аайы айдааннаах мунньахтар аһыллаллар, нэдиэлэ аайы кыргыһаллар, ый аайы саҥа былаастар буолаллар быһыылаах. Соҕурууттан кыһыллар кэлэн куораты ылбыттар, куорат кытарбыт диэн буолла. Онтон соҕурууттан үрүҥнэр кэлэн куораты ылбыттар, куорат туртайбыт диэн буолла. Онтон Колчак ылбыт аатырда» (В городе каждый день проводятся собрания. Кажется, каждую неделю, месяц устанавливаются новые власти. Будто бы с юга пришли красные и захватили город, потом будто бы захватили белые. Затем будто бы город взял Колчак) [3, с. 188–189].

Достоверность информационной волны, достигающей периферии, может зависеть от расстояния наследного пункта – если наслед расположен далеко от центра, информационное эхо может отражаться до него в сильно искаженном виде: «Бу үс күн дэриэбинэ иһэ араас ынырык кэпсээнинэн туолбут. Ордук арбаа нэһилиэктэртэн киирэ сылдыар дьон, ол куораччыт, бу куораччыт кэпсээбит дииди, үгүс сурабы-садьыгы тарбаппыттар. Төһө да тус-тусна сэхэргээтэллэр, уопсайынан, куоракка сэрии турбута саарбаба суох курдук» [6, с. 374–375]. (За три дня наслед наполнился страшными рассказами. Больше всего распустили слухи жители из западных наследов, ссылаясь на (проезжих или приезжих) куораччитов. Хотя рассказывали разное, но стало понятно, что в городе начались военные действия).

Иногда понятие ментальной удаленности, разграничивающее территории на свое и чужое, безопасное и страшное, подкрепляется семантически далеким от якутского края топографическим упоминанием русских городов или понятием *собуруу* (досл. юг), который в якутской картине мира выражает направление не обязательно южное, но и западное. «Суордар-тураахтар собуруу дойдуттан сурах-садьык бөбөнү көтөбөн-сүгэн кэллилэр» [8, с. 187] (сороки-вороны из южных стран принесли с собой много слухов), «Сэсийээл дэмэкэрээт судаарыскайдар Сан-Бөтөрбүүр куоракка мустаннар, Ньюкулай торуой күн судаар ыраахтаабыны хабарбатын быһаннар, хаһатын хайытаннар, оһоһоһун окко-маска ыйаабыттар» [Там же] (социал-демократы, собравшись в Петербурге, царю-батюшку Николаю Второму вырезали горло, вспороли живот, кишки повесили на деревья); «Собурууттан сири аннынан куһаҕан сурах кэлэр. Дьоппуон сэриитэ ыраахтаабы аармыйатын хотон эрэр үһү» (С юга тайно пришли плохие новости, японские войска побеждают, говорят, царскую армию) [6, с. 373].

Художественные функции медиатора-городчика в якутской прозе

В рассказе А. И. Софронова-Алампа «Куораччыт» («Городчик», 1927), повести П. А. Ойунского «Дойду оҕото Дорогуунап Ньюкулай» («Дорогунов Николай – удалой молодец», 1935) впервые в якутской литературе появились и обозначились основные образы-маркеры городского пространства (это Гостиный Двор, игорные дома, рынок, гостиница) и персонажей куораччыта/атыыһыт-купца, которые исполняют функции медиаторов между городом и аласом.

В проекции пути персонажей пограничного пространства (городчика Степана и купца Дорогунова) можно проследить эффект внезапности, кратковременности, открытости и свободы – поэтому их путь наделен особым семантическим наполнением в художественном тексте. Хронотоп пути представлен в произведениях в качестве границы экзистенционального значения.

Мотив *въезда (вхождения)* в город есть довольно известный мотив в культуре многих народов мира, начиная с библейских текстов [14], где ворота города воспринимаются в аналогии с лоном матери, олицетворяя духовное ново-рождение человека или его трансформацию.

Образ Якутска в якутской культуре понимается в качестве особого критического места, где решаются судьбы людей, прибывших за счастьем «Дьоллоох Дьокуускайга дьол көрдөһө кэлбит» (досл. приехать в Счастливый Якутск искать счастье) – не все приехавшие за счастьем приходились по нраву Госпоже-матушке Якутску, подобно персонажам Николая Дорогунова, городчика Степана и др. Куорат Хотун (досл. Госпожа Город) – именно так именовался Якутск в произведениях первых якутских писателей. Мотивация, связанная с дорогой в город, раскрывается в выражении «*киһи-хара буолаары*» (букв. стать человеком), которое становится определяющей в стимуле человека начала XX в., направляющего свой путь в Якутск за знаниями, материальным достатком и пр.

В рассказе А. И. Софронова-Алампа создается яркий образ города, как зеркально противопоставленного аласу мира. Двоемирие как мотивный комплекс объединяет в этом рассказе, помимо хронотопов города и села также топосы гостиницы (постоялых дворов) и родной юрты, образы картежников и домочадцев, медиатором между которыми выступает сам Степан. Перевернутость образов и ситуаций порождает двойственность в системе произведения как художественно обоснованного способа отражения кризисности мира.

В начале произведения городу прилагается широкий круг понятий, связанных со спектральностью *открытия* – границ, широты, простора, дали и др. Новый для городчика Степана топос, куда он, человек из другого мира, попал совершенно случайно, есть зеркальное по отношению к его сельскому миру, слепящее яркостью, красочностью пространство («как будто даже солнце в этом городе ярче светит»). Вначале город характеризуется в положительном свете («Сколько здесь людей, и куда они все спешат, бегут, как же вольно и легко они живут», «одежда у горожан опрятная, чистая», «Они как будто все специально рождены для города») [9, с. 49–50].

Напротив поведение персонажа, переступившего индивидуальные границы и оказавшегося из аласа в Якутске, не соотносится с социальными нормами поведения, принятыми в городском пространстве – он медлителен, туповат, непонятлив и пр. Социальный портрет гостя из аласа соотносится у горожан с эпитетами «грязный», «неопрятный», «непривлекательный», «неприятный» и пр.

В произведениях первых якутских писателей вхождение в город характеризуется не только раскрытием возможностей, но и познанием *иной*, негативной стороны жизни города (алкоголь, картежничество, блуд и т. д.) для якута-селянина.

Фатальна человеческая судьба, которая определена на обреченность неуправляемой стихией большого города. Степан, ведомый слабостями, привычками, страхами, есть типичный образ маленького человека, в пространстве жизни которого город предстает в качестве гигантского организма, живущего по своим законам. Персонифицированная в образе Госпожи Города темная ипостась женской сущности наделена пороками и внутренними чудовищами. Она словно манит, восхищает, и в то же время совращает, отвергает маленького человека.

Порождаемые ею пороки (блуд, азартные игры, алкоголь и т. д.) легко и безвозвратно меняют человеческую сущность. Так и Степан, будучи ослеплен блеском и соблазнами города, быстро теряет свое истинное Я. Он одержим пороком картежничества и проигрывает все свои деньги. Весь блеск города оборачивается для него темной оборотной стороной – наступает отрицание и неприятие пространства города. Ему кажется, что Госпожа Город взглянула на него недобрыми глазами (*«Ооксиэ, как же мне плохо, оттого что госпожа-город взглянула на меня недобрыми глазами, даже собаки на меня огрызаются»*) [9, с. 53]. Кстати, картежничество, как один из «городских» пороков описано А. Е. Кулаковским, П. А. Ойунским, Н. Е. Мординовым-Амма Аччыгыйа, И. М. Гоголевым, В. С. Соловьевым-Болот Боотуром и др. и всегда олицетворяет в их произведениях импульсивное, хаотическое начало, имеющее темную власть над человеком. Здесь нужно заметить, что женское лицо имеет также и колода карт (хаарты маатыска – досл. Матушка Колода карт).

В рассказе «Үрүҥ күөлгэ» («На Белом Озере», 1920-ые гг.) Н. Д. Неустроева, писателя, творившего также в этот период, находят отражение неизвестные сельскому/ аласному человеку стороны городской жизни. Степень понимания и восприятия городской модели поведения, включающей настороженное отношение к чужому человеку, закрытость, равнодушие и т. д., у жителей аласа близка к нулю. Мир города обретает свойства ужасающего пространства, пугающей реалии, не поддающейся пониманию приехавших на учебу сельских молодых людей. Их пугают рассказы попутчиков о том, что в местности Мучин Крест, на большой дороге часто нападают на людей, грабят и убивают. Студенты страшатся пьяных людей, пускающихся то в пляс, то в драку во время зимней подледной рыбалки (мунха). Их также смущает и беспокоит холодное отношение хозяев и избегающих разговора людей на дороге, что противоречит истинно якутской традиции гостеприимства. На характер мировосприятия сильное влияние оказывает модель бинарности, состоящая из противопоставлений своего «биһиги дойдуга» / чужого «бу дойду»:

«Бу дойду биһиги тыабытыгар төрүт маарыннаабат – киэн баҕайы толоон, онно-манна арыы тыалар харааран көстөллөр. Маннык сир түөкүннээх да буолуон сөл» (Эти края совсем другие – широкие дали, леса. В этих местах могут водиться разбойники), *«Бу дойду суола даҕаны кэтитэ, киэнэ бэт»* (В этих местах дорога широкая), *«Бу дойдуга киһи киһини кытта суолга көссөн баран төрүт тохтоон кэпсэппэт. Биһиги тыабытыгар буоллар, биссибэт да дьон буоллахтарына, өр баҕайы ону-маны кэпсэтэн, сэхэргэһэн ааһыахтара этэ»* (В этих краях человек, повстречав человека на дороге, не останавливается, не разговаривает. А у нас, даже если не знакомы, люди долго разговаривают, беседуют), *«Дьыэлэ-эхтэрбит даҕаны, биһигини бу оҕолор тонмуттара, аччыктаабыттара буолуо диэн, аһаппат ыал буоллулар. Биһиги дойдубутугар эбитэ буолар, ыал аһатыа этэ»* (Хозяева даже не подумали, что дети могли проголодаться, не предложили

еды. Вот у нас точно бы предложили покушать, погреться), *«Биһиги дойдуга балыгы былдьаһан охсуспат үгэстээхтэр»* (В наших краях из-за рыбы не ссорятся и дерутся) [4, с. 167–174]. Свое всегда имеет признаки понятного, близкого, правильного, единственно верного решения.

Любопытна перемена ролей относящихся настороженно к городскому быту деревенских парней в момент, когда они решаются пошутить, и, притворившись пьяными, шатаясь и громко ругаясь, намеренно пугают женщин. Примеривание такой нетипичной для них маски, возможно, связано с пониманием города как пограничного (то есть хаотичного, ненормального, промежуточного) мира, формирующего у надевающего маску определенную установку, что пространству города характерна подобная ролевая модель поведения – раскрепощенного, неординарного человека.

И здесь надо отметить, что в восприятии городской среды можно наблюдать такую смысловую дихотомию, когда город, являясь для кого-то символом Жизни, становится для других Смертью/Хаосом. Так, гимназисты, семинаристы, купцы, меценаты, представители духовенства, якутская интеллигенция начала XX в. и т. д., которые составляют ядро светлой, созидающей, динамичной городской среды, дуально противопоставляются «темным» субъектам городского топоса. Типичные для урбанистического топоса, а точнее «уличные» субъекты (*уулусса кинитэ*): бродяги, бездомные, жулики, картежники, воры, авантюристы-золотоискатели и др. «темные» личности, прикреплены к топонимическим реалиям игровых домов, постоянных дворов, зимовий, где находят пристанище во время своих путешествий.

Можно сказать, что в образе Города в женской натуре отражаются все комплексы человека, детально описанные в психологии: подсознательное подчинение и страх «маленького» человека перед матерью, также его либидо, мечта о прекрасной женщине, благоговейное отношение к ней, манящей и отталкивающей, любящей и губящей одновременно – именно отражение этих непростых отношений человека и мира (в частности Города) становится художественной целью, заложившей основы философской прозы П. А. Ойунского, А. И. Софронова-Алампа, Н. Д. Неустроева и продолжающейся в произведениях писателей последующего поколения.

Топосы промежуточности – постоянные дворы, зимовья, дьяам

В пространстве промежуточности особое место выделяется топосам *гостинных домов, постоянных дворов* (дьяам), *симиэбийэ* (зимнику, зимовью), которые являются местами концентрическими, и потому особо смыслообразующими, соединяющими пути-дороги путников, обязательно или вынужденно посещающих их по пути в свои пункты назначения.

В народе ходят разговоры и легенды о бодойбинской дороге, зимовье Чалаак, которое находится в 5 верстах до Бодойбы. Об этом зимовье в романе «Уһуктуу»

(«Пробуждение») В. С. Соловьева-Болот Боотура говорится, что данное место дьон бөбөнү алдьаппыт, аймаабыт симиэбийэ (досл. зимовье, которое сломало судьбы многих людей): «Дьэ ол иһин киһи-сүөһү бөбө түмсэр, арааһынай эстибит-быстыбыт, көммүт-байбыт барыта тобууруйар, хаарты-арыгы хараабат, охсуһуу-этиһии, молуон-содуом буола, уорсуу, өлөрсүү тахса турар сирэ» [7, с. 180].

Плутовство как одна из определяющих черт городских персонажей отмечается в произведениях многих якутских писателей. Хозяйка постоянного дома (у Болот Боотура), в котором останавливаются на ночлег селяне-городчики, представлена в качестве персонажа амбивалентного мира – «оборотня» – расчетливой, холодной, но и обманчиво-ласковой, приветливой. Искушая, завлекая людей в азартную игру, она пытается заполучить от них все больше денег: «...аһатынньыҥа да сүрдээх, үптээхтэрин биллэбинэ, элэккэйэ, амараба атын буола түһэр. Иһигэр дьон үгүсүтүк сүүйсүөхтэрин, алдьатыһыахтарын бабарар, оччоҕо эрэ дьиэлээхтэргэ элбэх дохуот киирэр» (Хозяйка ласкова и приветлива. Если узнает, что гости при деньгах, становится еще более радушной. Хочет, чтобы люди чрезмерно картежничали, только тогда к хозяевам выпадет много денег) [7, с. 170].

Городчика Николая Даллакынова-Исиччит, случайно оказавшегося в доме городского зажиточного купца Соппойор Софрона, пугают хитроватые замыслы хозяина дома, который хочет обманом, изрядно напоив старика, заключить договор на изготовление в большом количестве чоронов и кытыйа. Дома этих персонажей подобны поглощающей пасти гигантского монстра, готовой в любой момент поймать свою жертву: «Сураххын истэ-истэ дойдум диэки охсулуннахпына, биирдэ эмэтэ эйиэхэ тийэ сылдьар санаалаах этим. Хата бэйэбинэн киирэн биэрдин – дьолуум тосхойдоҕо» (Слышал разговоры о твоём мастерстве, поэтому много раз хотел к тебе заехать. К моему счастью ты сам пришел ко мне – удача мне улыбнулась) [7, с. 386]. Дом Соппойор (досл. всасывающий, засасывающий) Софрона поражает своей роскошью и великолепием. Понятие блеск в контексте поэтики городского пространства становится метафорой обмана, выражая лоск, глянец богатого дома («Өйдөөн көрбүтэ, дьэ дьиз да дьиз. Уулуссаба тахсар килэспит киэн түннүктэрэ иһиттэн сандаарыйа олорор. От күөбэ өгнөөх килбэчиннэс үрдүк хоруобуйалаах») (Осмотрелся, великолепный дом! Широкие окна, выходящие на улицу, сверкают изнутри. Крыша зеленого цвета ослепительной красоты) [7, с. 382], сверкание рюмок в руках излишне радушного хозяина (аҥар илиитигэр иһит арыгыны, аҥар илиитигэр көмүс үрүүмкэлэри кылбачытан аҕалан куппугунан барда) [7, с. 387], а также поблескивание глаз плутоватого Софрона (дьизэлэх, сыҕарыс гынан, оҕонньор диэки эргиллэ түстэ, сана көрбүттүү хараба килбэчиннээтэ) [7, с. 385].

Образы-медиаторы, потенциальные гости из «других» миров, ыалдьыт (гость), хоносо (ночной гость), городчик и атыысыт (купец), чьи образы по своим функциональным характеристикам имеют непосредственную связь с семантикой дороги, в прозе последующих лет трансформировались в персонажей пути.

Это образы в исторических произведениях дополнены духом авантюризма: не только куораччыт, проводник (суолдьут, табаһыт, ньуоһунут), посыльный, извозчик, но еще и гонец, шпион, беглец, разбойник дороги, преследователь-убийца (в прозе Н. Г. Золотарева-Якутского, Софр. П. Данилова, Л. А. Попова и др.).

Заключение

Таким образом, стоит заключить, что концепт дороги имеет основополагающее значение в якутской картине мира. Дорога как лиминальный образ, разграничивающий бинарные позиции жизни/смерти, своего/чужого, центра/периферии, воспринимается в качестве единой системы, которая состоит из целостных топологических структур (образов, локусов, маркеров промежуточности, субъектов дороги, лейтмотивов), раскрывающихся именно через присутствие человека, основного двигателя и носителя смысла в пространстве. Выход на дорогу имеет исключительный смысл в процессе самоидентификации человека: именно в пути появляется обостренная реакция человека на мир, а также идет активная попытка самоопределения в иерархии мира.

Являясь самодостаточной культурологической единицей в якутской культуре, концепт дороги наделен глубокой символической нагрузкой и широко используется в фольклоре, искусстве и литературе. Сакральный образ дороги, как промежуточного пространства между мирами, имеет в ритуальной культуре многозначную семантику и функции – это пространство, определяющее изменение сущности человека, пограничность и нестабильность его бытия.

В основе художественных принципов отражения городского пространства, специфичных для литературы начала века, генерирующей был мотив «вхождения» человека-городчика в город как символа открытия мира, углублении ментальных ландшафтов якута-селянина, а также познанием *иной* стороны жизни города (алкоголь, картежничество, блуд и т. д.).

Постижение нового состояния героем, характеризующее расширение его сознания в лиминальном пространстве дороги, продолжается в процессе развития всей якутской литературы XX в. и является показателем экзистенциальных проблем человека саха. Лиминальный мир дороги, занимающий промежуточную позицию между городским и аласным мирами и наравне с ними наделенный равными семантическими значениями пространственности в культурном ландшафте якутского мира, представляет один из вещественно наполненных динамических систем художественного хронотопа, в котором наиболее ярко проявляется главная сущность человеческой природы – *желание жить, иметь свою цель и двигаться вперед*.

Литература

1. Данилова, Н. К. Традиционное жилище народа Саха / Н. К. Данилова. – Новосибирск : Гео, 2011. – 122 с.

2. Дорохова, Т. А. Культура и страх. Стратегии взаимодействия / Т. А. Дорохова // *Философия XX века: школы и концепции*. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество. – 2001. – С. 78–80.
3. Мординов-Амма Аччыгыйа, Н. Е. Сааскы кэм / Н. Е. Мординов-Амма Аччыгыйа. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1970. – 756 с. (на якут. яз.).
4. Неустроев, Н. Д. Родному краю, любимому народу: пьесы, рассказы, очерки / Н. Д. Неустроев. – Якутск : Бичик, 1995. – 336 с. (на якут. яз.).
5. Ойунский, П. А. Избранное: рассказы, повести / П. А. Ойунский. – Якутск : Бичик, 1993. – Т. 2. – 442 с. (на якут. яз.).
6. Соловьев-Болот Боотур, В. С. Пробуждение: роман / В. С. Соловьев-Болот Боотур. – Якутск : Книжное издательство, 1979. – 384 с. (на якут. яз.).
7. Соловьев-Болот Боотур, В. С. Пробуждение: роман / В. С. Соловьев-Болот Боотур. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1987. – 640 с. (на якут. яз.).
8. Соловьев-Болот Боотур, В. С. Пробуждение: роман / В. С. Соловьев-Болот Боотур. – Якутск : Якутское книжное издательство, 2014. – 400 с. (на якут. яз.).
9. Софронов-Алампа, А. И. Стихи и рассказы / А. И. Софронов-Алампа. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1987. – 78 с. (на якут. яз.).
10. Топоров, В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // *Текст: семантика и структура*. – Москва : Наука, 1983. – С. 227–284.
11. Трощанский, В. Ф. Наброски о якутах Якутского округа / В. Ф. Трощанский. – Казань : Типо-литография Императорского университета, 1911. – 144 с.
12. Тюпа, В. И. Анализ художественного текста / В. И. Тюпа. – Москва : Академия, 2009. – 336 с.
13. Уткин, К. Д. Архитектурное воплощение мировоззрения якутов / К. Д. Уткин. – Якутск : Ситим, 1994. – 32 с. (на якут. яз.).
14. Фрейденберг, О. М. Везд в Иерусалим на осле (из евангельской мифологии) / О. М. Фрейденберг // *Миф и литература древности*. – Москва : Наука, 1978. – С. 491–531.
15. Хомчак, Е. Г. Концептуальная модель дороги в русской языковой картине мира / Е. Г. Хомчак // *Наукові записки Національного університету «Острозька академія»*, 2015. – Вип. 52. – С. 264–265.
16. Яковлев-Далан, В. С. Тыгын Дархан : роман / В. С. Яковлев-Далан. – Якутск : Бичик, 1993. – 512 с. (на якут. яз.).

References

1. Danilova, N. K. Tradicionnoe zhilishche naroda Saha / N. K. Danilova. – Novosibirsk : Geo, 2011. – 122 s.
2. Dorohova, T. A. Kultura i strah. Strategii vzaimodejstviya / T. A. Dorohova // *Filosofiya XX veka: shkoly i koncepcii*. – Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo. – 2001. – S. 78–80.

3. Mordinov-Amma Achchygyja, N. E. Saasky kem / N. E. Mordinov-Amma Achchygyja. – Yakutsk : Yakutskoe knizhnoe izdatelstvo, 1970. – 756 s. (na yak.yaz.).
4. Neustroev, N. D. Rodnomu krayu, lyubimomu narodu: pesy, rasskazy, ocherki / N. D. Neustroev. – Yakutsk : Bichik, 1995. – 336 s. (na yak.yaz.).
5. Ojunsij, P. A. Izbrannoe: rasskazy, povesti / P. A. Ojunsij. – Yakutsk : Bichik, 1993. – T. 2. – 442 s. (na yak. yaz.).
6. Solovev-Bolot Bootur, V. S. Probuzhdenie: roman / V. S. Solovev-Bolot Bootur. – Yakutsk : Knizhnoe izdatelstvo, 1979. – 384 s. (na yak.yaz.).
7. Solovev-Bolot Bootur, V. S. Probuzhdenie: roman / V. S. Solovev-Bolot Bootur. – Yakutsk : Yakutskoe knizhnoe izdatelstvo, 1987. – 640 s. (na yak.yaz.).
8. Solovev-Bolot Bootur, V. S. Probuzhdenie: roman / V. S. Solovev-Bolot Bootur. – Yakutsk : Yakutskoe knizhnoe izdatelstvo, 2014. – 400 s. (na yak.yaz.).
9. Sofronov-Alampa, A. I. Stihi i rasskazy / A. I. Sofronov-Alampa. – Yakutsk : Yakutskoe knizhnoe izdatelstvo, 1987. – 78 s. (na yak. yaz.).
10. Toporov, V. N. Prostranstvo i tekst / V. N. Toporov // Tekst: semantika i struktura. – Moskva : Nauka, 1983. – S. 227–284.
11. Troshchanskij, V. F. Nabroski o yakutah Yakutskogo okruga / V. F. Troshchanskij. – Kazan : Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta, 1911. – 144 s.
12. Tyupa, V. I. Analiz hudozhestvennogo teksta / V. I. Tyupa. – Moskva : Akademiya, 2009. – 336 s.
13. Utkin, K. D. Arhitekturnoe voploshchenie mirovozzreniya yakutov / K. D. Utkin. – Yakutsk : Sitim, 1994. – 32 s. (na yak.yaz.).
14. Frejdenberg, O. M. Vezd v Ierusalim na osle (iz evangelskoj mifologii) / O. M. Frejdenberg // Mif i literatura drevnosti. – Moskva : Nauka, 1978. – S. 491–531.
15. Homchak, E. G. Konceptualnaya model dorogi v russkoj yazykovej kartine mira / E. G. Homchak // Naukovi zapiski Nacionalnogo universitetu «Ostrozka akademiya», 2015. – Vyp. 52. – S. 264–265.
16. Yakovlev-Dalan, V. S. Tygyn Darhan : roman / V. S. Yakovlev-Dalan. – Yakutsk : Bichik, 1993. – 512 s. (na yak. yaz.).